

Аляев Геннадий Евгеньевич

*Доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии и социально-политических дисциплин
Полтавского национального технического университета
имени Юрия Кондратюка*

В. БЕЛИНСКИЙ И Н. ГОГОЛЬ: ДВА ОБРАЗА ПРОСВЕЩЕНИЯ В РОССИИ

Обычно Просвещение в России, *по аналогии* с западноевропейским, датируют XVIII веком. Имеет право на существование, однако, и иная точка зрения, которая относит русское просвещение к 1840–1860-м годам. Родоначальником *этого* русского просвещения выступает, по мнению В. Ф. Пустарнакова, В. Белинский. Характерными чертами просветительской философии – как одной из *разновидностей неакадемического, неуниверситетского стиля философствования*, – В. Пустарнаков считает, наряду с рационализмом и индивидуализмом, её антропоцентризм и обращение к «видимому миру», перед которым все проблемы классической метафизики отходят на второй план. Добавим также, что по умолчанию предполагается секулярный (если не атеистический) характер просветительства.

В. Белинский полностью подходит под эту характеристику. Манифестируя критику как «философское сознание эпохи», великий критик (Б. Яковенко оценивал его как ключевую фигуру у истоков самостоятельного русского философствования) провозглашает приоритет общечеловеческого разума над личным произволом и мнением – этот разум «во всём ищет самого себя, и только то признаёт действительным, в чём находит самого себя». В контексте этих просвещенческих интенций В. Белинский критикует (даже клеймит) и Гоголя.

Среди главных пунктов обвинения – отрицание необходимости грамоты для простого народа, а также защита православной церкви и «созерцание божественной красоты самодержавия». Отметим при этом, что для Белинского учение Христа и церковная ортодоксия – принципиально разные вещи. Первое он воспринимает как «учение свободы, равенства и братства», и в смысле спасения людей прямо отождествляет с философским просвещением XVIII века, в частности, с учением Вольтера. Впрочем, ещё более важным для него является

то, что русский народ, вопреки мнению Гоголя, отнюдь не «самый религиозный в мире», – и дело не только в его презрительном отношении к духовенству, но и в фактическом отсутствии «страха божия». Выходит, что учение Христа, при всех его просветительских достоинствах, не годится для русского народа, который есть «по натуре глубоко атеистический народ», и, соответственно, «огромность исторических судеб его в будущем» В. Белинский связывает не с «мистической экзальтацией», т. е. религией, а со «здравым смыслом, ясностью и положительностью в уме».

Таким образом, если В. Белинский – вождь просветительства, то Гоголь – «антипросветитель»? Между тем, в тех самых скандальных «Выбранных местах...» мы находим специальный раздел «Просвещение». Гоголь также призывает к «Свету просвещенья», однако просвещения христианского, церковного. Возможно ли таковое? Не есть ли это не более чем неправильное словоупотребление? И. Кант определял просвещение как способность пользоваться собственным умом, причём условием просвещения предполагалась *свобода публично пользоваться* этим самым собственным разумом. Однако почему с просвещением связывается только свобода пользоваться *секулярным, внецерковным* разумом? Только потому, что Церковь, как иерархия, по определению является «поборницей неравенства, льстецом власти, врагом и гонительницей братства между людьми», а следовательно – врагом просвещения?

Гоголь защищает Церковь, но прежде всего не «внешнюю», а «внутреннюю» (термины, введённые несколько позже А. Хомяковым, вполне ложатся уже на гоголевское понимание). Церковь истинная, Церковь как целостность – это не организация и не её формальные представители, а сама наша жизнь. Поэтому не проповедничеством и миссионерством, не «брошюрками», не убеждениями, а исключительно «жизнью нашей мы должны защищать нашу Церковь, которая вся есть *жизнь*; благоуханием душ наших должны мы возвестить её истину». Церковь нужно «ввести в нашу жизнь».

Гоголь, по оценке С. Франка, выдвинул идеал «оцерковления жизни». Он отвергает требование реформировать церковь, приспособив её к современному образованию, вводя её в общественные и политические дискуссии. Путь к очищению Церкви – не через реформы внешней Церкви, а через оживление Церкви внутренней, т. е. оживление христианского сознания и внутреннее обновление всего светского образа жизни и образования.

Защита православной Церкви ведётся Гоголем как от нападений внешних (западное реформаторство, направленное на фактическую десакрализацию Церкви через включение её в светскую жизнь), так и от внутреннего неприятия и непонимания, от безжизненного (внежизненного) отношения к ней. «Церковь

наша должна святиться в нас, а не в словах наших. Мы должны быть церковью наша и нами же должны возвестить её правду».

Вписывается ли эта Церковь в уваровскую формулу «православие, самодержавие, народность», столь ненавистную просветительству В. Белинского? Очевидно, да, потому что «оцерковление» жизни понимается при этом и как общественное устройство на основе полного сохранения существующего порядка. «Неслыханное чудо» должна совершить Церковь (т. е., собственно, каждый верующий жизнью своей), «заставив у нас всякое сословье, званье и должность войти в их законные границы и пределы и, не изменив ничего в государстве, дать силу России изумить весь мир согласной стройностью того же самого организма, которым она доселе пугала».

Но главное в этом гоголевском «православии», всё-таки, – внутреннее преобразование, просветление. Как бы отвечая вновь на кантовский вопрос – «что такое просвещение?», Гоголь не об одном разуме печётся, и не о самостоятельности (близком к самоуправству) отдельного индивида. Истинный смысл слова «просвещение» – церковный. «Просветить не значит научить, или наставить, или образовать, или даже осветить, но всего насквозь высветлить человека во всех его силах, а не в одном уме, пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь». Это, очевидно, тот «церковный разум», о котором позднее писал В. Зеньковский.

Синтез двух образов Просвещения, возможно, ещё впереди. Равно как и более обстоятельное и объективное изучение этого феномена в истории русской мысли.

Хміль Володимир Васильович

*Доктор філософських наук, професор,
завідувач кафедри філософії і соціології
Дніпропетровського національного університету
залізничного транспорту*

МЕТАФІЗИЧНІ ПОШУКИ Н. ГАРТМАНА

Сучасна українська філософія активно переосмислює досвід європейської філософської думки, вводить в науковий обіг нові персоналії, нові ідеї. Західноєвропейський досвід аналізу метафізичних проблем стає добротним підґрунтям для діалогу з сучасною західною філософською думкою.

Н.Гартман належить до «забутих» філософів другої пол. ХХ ст. Виходець з російської імперії, він навчався в Петербургському університеті,